

The book cover features three characters standing in a medieval town square. On the left is a man in a dark red and black leather tunic with a large, ornate collar. In the center is a woman with long, wavy brown hair, wearing a purple and gold patterned gown. On the right is a man in a dark leather tunic and boots. The background shows a half-timbered building. The entire cover is framed by a decorative border of purple thistles and grapevines.

Жика Мин

Горький вкус
вереска.
Книга 2

18+

Ника Тин

Горький вкус вереска. Книга 2

<https://litres.ru/74003548>

SelfPub; 2026

Аннотация

Чтобы защитить свой тайный союз с Кэтрин, Кеннет решается на невозможное — он ищет признания у отца, который когда-то от него отрекся. Однако прошлое оказывается запутаннее, чем он думал, а настоящее превращается в золотую клетку. Тщеславный Лотер жаждет мести, и в его руках — власть, способная разрушить жизнь Кеннета одним росчерком пера.

Связанный клятвами, от которых нельзя отречься, и преследуемый врагом, Кеннет понимает: единственный шанс на счастье — это побег. Но в самый ответственный момент всё идет не по плану.

Хватит ли сил у обычного лейтенанта против опасного интригана и королевского гнева?

Содержание

1 Глава. Неожиданное предложение	4
Глава 2 Родственники	25
Глава 3 Стычка	67
Г	81
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Ника Тин

Горький вкус вереска. Книга 2

1 Глава. Неожиданное предложение

Кэтрин старалась не унывать, несмотря на то, что разлука с Кеннетом казалась ей тягостной, как никогда прежде. Раньше его отъезды не воспринимались ею так остро и не тревожили сердце так, как в этот раз. Но она, старалась отвлечь себя тем, что продолжала готовить свадебное приданное. Девушка не сомневалась в том, что, даже если Кеннету и не удастся добиться справедливости у Монтгомери, она найдёт доводы, чтобы убедить своего отца не идти против данного им когда-то слова Вильяму Уэсли.

Они сидели в комнате Кэтрин, друг против друга; Анна, её молоденькая служанка кропотливо работала над приданным своей госпожи, Кэтрин подавала ей рюши и иголки, наблюдая, как в ловких пальцах девушки рождаются поистине прелестные вещицы. Анна была немногим старше, совсем недавно ей исполнилось двадцать лет, и она, как все девушки это-

го возраста, мечтала о любви и о том, чтобы поскорее выйти замуж. Поэтому все её разговоры сводились к тому, как же повезло Кэтрин с избранником. Она, не умолкая, рисовала Кэтрин прекрасные картины будущего рядом с таким заботливым и чутким супругом, каким непременно окажется сэр Кеннет.

Кэтрин так и подмывало поделиться с ней своей тайной, как с единственной подругой, но она не смела. Молодожёны поклялись до поры до времени держать это в секрете. Достаточно того, что это стало известно отцу невесты. И всё же было невмозможу сдерживать ту радость, что переполняла сердце, когда она вспоминала об обручальном колечке, которое ей пришлось временно снять и хранить в шкатулке, чтобы не вызвать подозрений у окружающих.

Был погожий летний день, солнце стояло в зените, и её взор всё чаще обращался в открытое окно, с тоской скользя по бескрайним далям, простирившимся широко за пределами замковых стен. Как бы ей хотелось сейчас нестись вперёд верхом на своём коне, рассекая воздух, чувствуя свободу, и то, как ветер развеивает её волосы и обдувает разгорячённые щёки, как высокая сочная трава щекочет ей босые ноги. Но отец и не думал отменять наказание. Напротив, теперь ей было запрещено и вовсе покидать замок, даже во двор и в конюшню. Единственным занятием, доступным ей, оказалось ненавистное шитьё. Из раздумий её вывел голос Анны.

– Миледи, будьте добры, подайте мне вон то, широкое

кружево. Да, его. – Кивнула она, когда пальцы Кэтрин коснулись белоснежной полоски, покоящейся в корзинке среди многих других. – Мне кажется, оно будет тут как нельзя кстати. Сэр Кеннет не сможет оторвать от вас глаз, – лукаво улыбнулась она, прикладывая кружево к шёлковой ночной рубашке, которую ныне дошивала.

– Ну а ты, Анна, не повстречала ещё того единственного?

Девушка подняла на неё свои голубые глаза и с едва заметной улыбкой произнесла.

– Да разве можно встретить ещё такого, как сэр Кеннет. Я тоже хочу, чтобы обо мне заботились и любили. А вокруг лишь лицемеры и хвастуны. Всем им только одного и надо, миледи!

– Только одного?

– Ну да. Поцелуи, ласки и ночи на сеновале, а потом того и гляди бросят с ребёнком на руках и все дела.

Кэтрин заинтересованно взглянула в её лицо, желая узнать побольше обо всём таком, о чём не слишком распространялась матушка. Да, после помолвки, она проводила с дочерью беседу и скромно поведала о том, что нужно не бояться супружеского долга, и если муж будет терпелив, то всё пройдёт хорошо.

Прежде Кэтрин не раз была свидетелем, как спариваются лошади, и, разумеется, присутствовала при выжеребке, так что кое-какие понятия у неё имелись. И всё же...

– Если отдаваться мужчине, то беременность неминуема?

– допытывалась она.

Анна пожала плечами.

– Я бы рисковать не хотела. Хотя я слышала, как Кирсти, наша кухарка, в разговоре с Дэвеной как-то обмолвилась, что знает средства.

– В самом деле?

– Вам-то, миледи, зачем? – недоумевая, воскликнула девушка и широко улыбнулась. – Вы-то должны, напротив, употреблять травы, способствующие зачатию! Уверена, у вас с сэром Кеннетом будут чудесные ребятишки, и я с удовольствием буду их нянчить!

– Ты поедешь со мной в Авимор?

– Ну, конечно, миледи! На кого я вас оставляю? Кому смогу доверить заботу о вас и ваших детях?

Кэтрин невольно улыбнулась, чувствуя, как щёки заливают краска неловкости, ведь откровенность Анны, заставила смутиться. Хоть она и стремилась поскорее замуж, но всерьёз о детях подумала только сейчас.

– Ты уже целовалась? Расскажи! Что ты чувствуешь в этот момент?

Анна мечтательно улыбнулась, отложив в сторону шитьё, и прикусила губу, загадочно сверкнув глазами, нарочно оттягивая время, чтобы заставить госпожу сгорать от любопытства. Она уже готова была пуститься в подробные описания своих ощущений, как снаружи послышался какой-то шум.

Заскрежетали отворяемые ворота, и во двор ворвался гул

голосов, бряцание упряжи и чеканный стук подков о мощёную площадку.

Кэтрин, позабыв свой интерес, метнулась к окну, высунувшись, чтобы получше разглядеть прибывших. Несколько всадников, верхом на прекрасных английских лошадях ворвались во двор.

– Кто там, миледи? – воскликнула Анна, тут же оказавшись рядом.

– А чёрт его знает! – буркнула Кэтрин, с не меньшим любопытством пытаясь рассмотреть герб, на развевающемся знамени, в руках одного из всадников. Какая-то птица, парящая над красным солнцем, помещённым меж перекрещенных мечей на синем фоне. В геральдике она была явно не сильна. – Поди, узнай.

– Да, миледи, – согласилась горничная и поспешила из комнаты.

Кэтрин же тщетно пыталась рассмотреть прибывших, они не особо торопились спешиваться и проходить в холл, однако, судя по тому, что подбежавший конюх держал лошадь под уздцы, кто-то всё же уже вошёл.

В тревожном предчувствии она оставалась на месте томимая длительным отсутствием Анны. И куда она запропастилась?!

Нетерпение вынудило Кэтрин выйти из комнаты, услышав в холле шум суматохи. Очень осторожно, чтобы не попасться кому-либо на глаза, она тихонько двинулась вниз, и тут с

лестницы увидела дворецкого – он спешил в покои её матери Елены.

– Финдли, что происходит, что за шум? – окликнула его Кэтрин. – Кто это приехал? Кто все эти люди?

– Граф Бредфорд пожаловали к его милости. Я проводил его в библиотеку, миледи.

– Граф Бредфорд? – переспросила Кэтрин, тщетно пытаясь припомнить его персону, среди знакомых отца. Она недоумевала, что могло послужить поводом для столь торжественного визита. Ну, разве что он не получил предупреждения об отсрочке празднества, которое должно было состояться завтра, и явился поздравить молодых.

Всё ещё задумчиво бормоча его имя, Кэтрин терзалась любопытством. Девушке неприлично было совать свой нос в отцовские дела, но интерес толкнул её на дерзкую выходку. Стараясь не подавать вида, что заинтересовалась визитёром, неторопливо двинулась вверх и, улучив момент, когда дворецкий отвлёкся на подошедшего слугу, юркнула в крыло, где располагалась библиотека.

Генри Лиднлоу разбирал отчёт, предоставленный ему секретарём, когда дворецкий Финдли нарушил их деловой разговор и с извинениями, доложил о визите гостя.

– Ваша милость, граф Бредфорд, просит незамедлительно принять его, говорит это дело большой важности.

Он поднял взгляд на него, оторвав от разложенных на столе учётных книг, сделав знак секретарю помолчать.

Старенький скрюченный мужчина тут же умолк и так же воззрился с любопытством на Финдли.

– Граф Бредфорд? – переспросил Генри Лиднлоу, пытаясь вспомнить, о ком речь.

– Да, милорд. Если быть точным, Лотёр де Тальви, граф Бредфорд и наследный герцог Реймс.

Барон был удивлён. Оказывается, этот негодяй – высоко-родный вельможа. Видимо, оттого он так бессовестно вёл себя всё это время, полагая, что его высокое положение при английском дворе даёт ему право поступать, как ему заблагорассудится и здесь, на шотландской земле. Барон прекрасно помнил его неблагоприятные поступки и то, как нелестно отзывалась о нём его дочь. Также не был забыт разговор с Кеннетом, когда тот обвинял Лотера в рассылке анонимок. Так ли это? Отчего-то у сэра Генри не было охоты выяснять это сейчас. У него вообще не было желания выслушивать визитёра, ведь памятуя о его недавних подвигах, единственное, чего хотел барон, так этот отомстить за свою дочь. Однако слово, данное ей, не связываться с ним, дабы не накликать ещё большей беды, удерживало его от желания задать трёпку этому мальчишке. Как вообще ему хватило смелости ступить в Дафмри после организованного похищения Кэтрин!

От возмущения его лицо покраснелось, дыхание стало тяжёлым, и он громко, чтобы было слышно и за пределами библиотеки, заявил:

– Что-о? Этот сопляк имеет наглость появляться тут?!

Пусть убирается вон, пока я не поквитался с ним!

Финдли ничего не оставалось, как вернуться и передать Лотеру, что барон не сможет его принять. Но юноша не собирался так легко отступить. Он проделал неблизкий путь, и визит его был официальным.

– Передайте ему, что разговор, который я имею к нему, чрезвычайной важности. И прежде всего, в его интересах.

– Сожалею, милорд, но его милость очень занят. Он не может уделить вам время, – не желая накликать себе на голову неприятности, пытался оправдаться дворецкий, вспоминая разгневанное лицо своего господина.

– Я настаиваю!

– Хорошо, милорд, я попробую...

Когда Финдли вновь оказался в дверном проёме, вынуждая барона в очередной раз оторваться от дел, тот бросил на него недовольный взгляд.

– Ты всё ещё не вышвырнул этого щенка?

– Милорд, он настаивает.

– Вот мерзавец, – пробормотал он, уже более спокойным тоном, и в какой-то момент любопытство взяло верх. Что, собственно, понадобилось этому юнцу здесь? Опять что-то задумал? Что же, есть возможность рассмотреть его поближе. Врагов всегда нужно знать в лицо. Помедлив, он согласен кивнул.

– Веди его сюда.

Когда дворецкий удалился, по знаку сэра Генри убрался

и секретарь.

Через некоторое время возникший на пороге юноша мог видеть барона, как того желал. Он сидел в своём любимом кожаном кресле, за столом, закрыв свои учётные книги и сдвинув их в сторону, чтобы не мозолили глаза.

Молодой человек вошёл и тут же вежливо поприветствовал хозяина. Барон ответил ему кивком головы, но не предложил присесть, рассчитывая, что разговор не затянется надолго. Он внимательно присматривался к этому мальчишке, которого видел лишь раз в своей жизни, когда тот волею случая оказался раненым в его доме. Если не принимать во внимание рассказы Кэтрин о нём, то с первого взгляда юноша производил вполне приятное впечатление и выглядел достаточно безобидным.

Про себя же Лотёр отметил недоброжелательный взгляд Генри Лиднлоу. Несомненно, эта чертовка наговорила о нём невесть что! Что же, возможно, и вполне заслуженно, решил признаться он сам себе. Нарушая затянувшуюся паузу, Лотер начал:

– Милорд, первым делом, я хочу попросить вас извинить моё навязчивое вторжение. Знаю, что я виноват и мой поступок был непростителен... именно поэтому поведу я и пришёл. Нужно объяснить, и я надеюсь на ваше понимание.

Да, образ представшего перед его взором юноши сильно отличался от того, каким описывала его Кэтрин, однако поступок, который он совершил, требовал жёсткого осужде-

ния, и сэр Генри не собирался дать себя одурачить маской раскаяния, которую примерил Лотер. Заметив замешательство в его взгляде, барон жестом предложил ему продолжать.

Лотёр молчал некоторое время, стараясь выдержать облик покорного смирения.

«Напыщенный папаша даже не соблюдает элементарных правил приличия, ясно в кого дочь унаследовала скверный нрав», – мелькнула у него мысль. Он подавил вздох, сохраняя самообладание. и вслух продолжил:

– Сударь, я, правда, сожалею. Вижу, вы мне не верите...

– Давайте по существу, юноша. Что за разговор?

Лотёр на миг сжал губы, чувствуя, что не сможет долго выносить подобное пренебрежение. Однако понимал, что стоит ему проявить неуважение, как этот никчёмный барончик выставит его вон, и он так и не добьётся того, зачем пожаловал.

– Хорошо. Ваша дочь Кейт, не может выйти замуж за сэра Макдауэла.

– Вот как? – насмешливо спросил его барон. Этот мальчишка явился сюда, чтобы указывать, что ему делать со своей дочерью и кому отдать в жёны? – Это почему же, позвольте узнать?

– Потому... – Лотёр немного замялся. – Сударь не стоит вам играть эту свадьбу. Он недостоин Кейт, по той причине, что обманывает её, но она, конечно же, верит во всё, что бы он ни сказал ей... Одним словом, милорд, сэр Макдауэл

обесчестил мою сестру, и я намерен добиться справедливого решения для него.

Обвинение, которое услышал Генри Лиднлоу, было серьёзным, но он не верил, что Кеннет способен на такую низость. А что до какой-то сестры Тальви, так ему и вовсе не было дела. С какой это стати, этот молодчик решил, что он откажется выдать свою дочь замуж за человека, который якобы кого-то там соблазнил. Этот инцидент и ответственность за него полностью лежит на семье обманутой девушки, а ему это совершенно безразлично. Юноша так горячо говорил о чести своей родственницы, в то время как не раз подвергал поруганию доброе имя его дочери. И он не преминул поставить ему это в укор.

– Вот значит как, справедливого решения для Макдауэла. А что прикажете делать с вами?

– Ну, так вы же хотите выдать за него свою дочь.

– Да. Но я не о том. Вы ищите справедливости для сестры. Но вы сами, что сделали с Кэтрин?

На лице Лотера промелькнуло лёгкое недоумение.

– Что я сделал с Кэтрин?.. Да, я признаю, что украл её из вашего дома, ночью, и против её воли, повёз в Эдинбург, где я встретился ранее с Кеннетом Макдауэлом в обществе моей сестрицы. Я хотел, чтобы Кейт сама их увидела! Она же ничему не хочет верить! – с чувством говорил Лотер. – Сэр Генри, может быть, и вы верите, что Макдауэл просто так содержал постороннюю девушку у себя дома — кстати,

без ведома невесты. Вы же мужчина, сударь... – многозначительно добавил он.

– Я вижу, вы считаете себя таковым, – усмехнулся барон и продолжил. – Сколько времени провела с вами Кэтрин в Эдинбургском дворце? После вы её похитили, и она провела с вами ночь. Вернулась спустя двое суток, в ужасно неприглядном виде... Она сказала, что вы совершили над ней насилие, Тальви. Как вы считаете, что я должен сделать с вами? Какого справедливого суда должен потребовать для вас? – решил полюбопытствовать он, поставив Лотера в похожее положение, в котором тот обвинял Кеннета.

Но Лотёр опешил.

– Насилие... Что значит насилие?! Что вы имеете в виду, сударь?! – требовательно спросил он.

Сэр Генри не желал углубляться в пояснения. Для него насилием был тот факт, что юноша удерживал его дочь в своих покоях, и только за одно это, он мог требовать удовлетворения. Но к этой мере не пришлось прибегать, Кейт клялась, что Лотёр её не тронул, а Кеннет, со своей стороны зная о происшествии, не отказался от женитьбы.

– То, что сказал! – ограничился он, сурово глянув на собеседника.

– Значит, она так сказала?..

Лотёр в самом деле выглядел растерянным, ему понадобилось несколько минут, чтобы переварить услышанное.

«Папаша что, имеет в виду то, что он провёл с ней две

ночи?.. Ха, ну конечно! Кеннет в объятиях Антонии на протяжении некоторого времени – это, само собой разумеется, а две ночи с ним в пути – насилие?! О, как хорошо, что этой девчонки тут нет!»

– Что же, сэръ Генри, – Лотёр упёр в него потемневший взгляд. – Тем более, я должен жениться на Кейт.

– Ого, – вырвалось у него. Барон явно не ожидал такого поворота. Всё происходящее напоминало ему какую-то шутку, и он, совершенно сбитый с толку, не нашёл ничего лучшего, как произнести: – Вы об этом ещё не упоминали... продолжайте.

Лотёр почувствовал его настроение, но отступить не собирался.

– Продолжать? Мне остаётся только попросить руки Кейт.

– Вы, в самом деле, любите Кэтрин, или же делаете это из благородства, как настоящий мужчина?

– Милорд, вы всё равно мне не поверите. Это кажется абсурдным... Но давайте будем исходить из того факта, что я не стал бы преследовать Кейт, если бы она была мне безразлична.

Барон несколько не поверил словам стоящего перед ним молодого человека. Это предложение выглядело в его глазах по меньшей мере нелепо. Он не был намерен что-либо менять, по крайней мере, пока, и ответ давать не собирался. Не желая попусту тратить время на болтовню, он решил прояснить ситуацию и заговорил:

– Ладно, юноша, вы всё так хорошо продумали. Вы жени-
тесь на Кейт, Кеннет на вашей сестре, но не учли одного...

Но вот распахнулась дверь и на пороге застыла Кэтрин. Она всё это время стояла тут, прислушиваясь, и когда узнала голос Тальви, разумеется, осталась дослушать до конца. Девушка боялась, что отец вполне мог счесть предложение англичанина более выгодным, чем предложение Кеннета, и, поэтому ворвалась посреди разговора, чтобы не дать случиться непоправимому. Её горящий взгляд впился в лицо Лотера, но она обратилась не к нему, а к отцу.

– Папа! Что этот негодяй здесь делает?!

– Приехал тебя сватать.

– Ч... что? – не веря своим ушам, едва не заикаясь, переспросила она. Кэтрин смотрела в глаза Лотера и не понимала, как может он быть настолько циничным, что готов даже разыграть здесь несуществующие чувства, обманом испросить её руки, и всё ради Антонии. От подобной наглости у неё даже дыхание перехватило, она пыталась собраться с мыслями, но только одна стучала в голове: «Как он посмел перешагнуть порог её дома!»

Кэтрин ждала от него объяснений, но он лишь упрямо смотрел ей в глаза. Затаил дыхание, ожидая услышать привычный поток ругательств от этой «милрой» девушки. Он видел, как она заводится, и ждал, что в следующую секунду начнётся истерика, но не предполагал, что она посмеет поднять на него руку. Звонкая пощёчина обожгла его щёку.

Кэтрин знала, что при отце он не посмеет причинить ей вред, и не преминула этим воспользоваться.

Однако её поведение возмутило Генри Лиднлоу, он не желал, чтобы его дочь и наследница прослыла невоспитанной хамкой. Он даже приподнялся из-за стола, опираясь о него руками, и грозно одёрнул её.

– Кейт!

– А что такого? Он ведь приехал за мной? Я ему не безразлична? Вот мой ответ! Убирайтесь вон, де Тальви!

Лотер, взглянул на мужчину, ожидая его решения. По нему было видно, что то, что он сказал, не было пустой болтовнёй. Но Кэтрин, опасаясь, что отец может дать согласие, старалась как можно скорее вытолкать непрошеного гостя. Она не погнушалась тем, что силой пыталась заставить Лотера уйти.

– Вы не слышали? Вон!

– Кэтрин, прекрати, немедленно! – прогремел рассерженный голос отца. Он поразился поведению дочери, недостойной юной леди. С этим нужно было кончать. – Юноша уйдёт сам. Немедленно.

Лотёр перевел взгляд на Кэтрин. Она снова почувствовала этот пронизывающий взгляд серых глаз. Поймав её руки, упорно выталкивающие его за дверь, Лотёр поднёс пальчики одной руки к губам. После чего отпустил её и снова взглянул на барона.

– Вы смеётесь, сударь... Мне жаль. Находите, чем выразить мне упрёк, и думаете, что поступаете правильно. Что ж, вам виднее. Но позвольте заметить, что, запрещая исполнить мне мой долг, — он многозначительно глянул на Кэтрин и вновь обратил взор на барона, — вы потакаете другому, всего лишь долгу, отдать дочь Макдауэлу, только потому, что так было договорено...

– Кеннет Макдауэл – мой законный супруг! Так что убийтесь, пока он не явился и не вытолкал вас вон! – презрительно бросила она в ответ на его слова, надеясь, что так до него наконец дойдёт: его интриги разбились в прах, так и не достигнув цели.

Лотёр усталился на неё. Он не поверил, об этом явно свидетельствовал его взгляд и тогда она поинтересовалась:

– Я неясно выразилась?

Лотёр усмехнулся. Эта комедия ему начала надоедать. Супруг! Она уже не знает, как его зацепить. Придумала бы что-нибудь получше.

Отец девушки сохранял мрачное молчание.

Она же не могла дожидаться ухода новоявленного жениха.

И Лотеру ничего не оставалось, как откланяться.

– Что же, всего доброго, сударь, леди, – распрощался он и пошёл прочь, уверенным, твёрдым шагом, полным благородного достоинства.

– О, как же я его ненавижу! – воскликнула девушка, с шумом захлопнув за ним дверь.

– Перестань, Кэтрин! Довольно! Ты ведёшь себя недостойно твоего положения! Это позор!

– Да мне совершенно безразлично, что подумает обо мне этот человек! Я не выйду за него, слышишь? Не выйду! Мой супруг – Кеннет!

– Довольно! Никто не собирается отдавать тебя этому сумасшедшему.

– Никому! Ты забыл, папа? У меня уже есть Кеннет! – с этими словами она выскочила из библиотеки, не желая более слушать нравоучения отца. Она и без него знала, что её поведение непристойно, но как иначе отвадить от себя Тальви?

Спустившись в холл, Лотёр обернулся на шум, доносив-

шийся сверху, и взглянул на дворецкого, услужливо открывшего для него дверь, провожая.

– Передайте барону, что моё предложение остаётся в силе. После чего решительно вышел.

Кэтрин ещё долго не могла прийти в себя от услышанного; она металась по своей комнате, не в силах найти успокоения, и Анна молчаливо наблюдала, как та, возмущённо жестикулируя, мерит шагами комнату. Продолжая свою кропотливую работу, Анна только и успевала, что переставлять корзинку с шитьём с места на место, каждый раз оказывающуюся на пути наматывающей круги Кэтрин.

– Нет, ты представляешь, он осмелился явиться сюда и требовать от отца, чтобы он отказал Кеннету! И всё в угоду своей бессовестной сестрицы! Он ради неё даже готов был сватать меня! Видела бы ты его! Само благородство! Театральные подмостки по нём плачут!

– Миледи, а если его предложение женитьбы на вас никак не связано с желанием устроить жизнь сестры? Вы не допускали мысль, что он заинтересован именно вами?

– Кто? Тальви?! Мной? О, если только ради желания свести меня в могилу! Я ему как кость в горле!

– Вы не считаете себя достаточно привлекательной, чтобы мужчина пожелал вас видеть своей женой, потому что влюблён в вас, а не ради желания причинения вам смерти? – осторожно поинтересовалась девушка, вновь как бы невзначай, принимаясь за прерванную работу.

Кэтрин с удивлением взглянула на свою горничную, затем на мгновение задумалась, бросив взгляд в окно, за которым уже давно скрылся отряд англичанина, как ничего и не бывало.

Влюблён? Тальви? Эта мысль заставила на мгновение замереть её сердце, но она тут же отогнала её прочь. О каких чувствах может идти речь, если при каждой встрече они словно соперничали в том, кто унижительнее охарактеризует другого. Воспоминания вновь встали перед её мысленным взором – взаимные оскорбления и упрёки. Стерва, ведьма, дура... Да уж... небезразлична, это уж точно.

Кэтрин невесело усмехнулась.

– Любовь, ненависть... всё едино. Что бы ни двигало этим человеком, это не имеет значения, потому что мы с Кеннетом обвенчались! – вдруг радостно сообщила она, обернувшись к горничной. – Отец не сможет отдать меня никому, потому что я уже замужем, Анна!

Девушка ахнула, всплеснув руками, при этом выронила шитьё, и тут же ловко его подхватила, чтобы отложить в сторону. На её лице было написано неверие. И Кэтрин, довольно улыбаясь, утвердительно кивнула, дабы рассеять её сомнения.

– Миледи! Неужели это правда? И что его милость?

– Папенька? Он ничего не сможет сделать, Анна. Мы – венчаны!

– О, миледи, я не была бы так уверена, – осторожно начала

девушка, с одной стороны, не желая расстраивать, но, с другой, надеясь предупредить о возможных неприятностях. – Вам нужно заручиться обещанием отца не рушить ваш брак, ведь сэр Генри бывает суров, даже с вами.

– Папа смирится, вот увидишь.

– Хорошо бы, – улыбнулась Анна и заговорщически произнесла. – Но, миледи, я надеялась, что между нами больше доверия, а вы утаили от меня это событие, а ведь оно так важно для вас.

– Вот именно поэтому я и боялась говорить о нём... чтобы ненароком не испортить всё, ведь об этом знает только Робин Рид, который присутствовал на церемонии, и отец.

– Так значит, вы вышли замуж... так вот отчего все эти вопросы о беременности...

– Вовсе нет, Анна, – тут же возразила Кэтрин и смущённо отвела взгляд. – Мы не были ещё близки, так как хотим получить благословение родителей.

– Вы хотите сказать, что ваш брак не завершён? Леди, вы рискуете! Знаете ли вы, что если ваш отец узнает, что брак не был консуммирован, он легко его расторгнет, на том самом основании, что в действительности, вы так и не стали женой для сэра Кеннета.

Кэтрин затихла, недоверчиво смотря на служанку, вдруг перестала улыбаться и, чувствуя необъяснимую слабость, опустила на стульчик, напротив. Выглядела Кэтрин растерянной.

– Ты уверена?

– Абсолютно, леди, – твёрдо заявила та, наблюдая, как краска схлынула с лица Кэтрин.

Юная госпожа пребывала в унынии. Она тут же подумала, что если отец польстится на предложение Лотера де Тальви, то ей никто не сможет помочь, ведь Кеннет теперь за сотни миль от неё.

В свою очередь, поостыв, Генри Лиднлоу всерьёз задумался о возможности устроить будущее своей дочери, сделав её графиней Бредфорд. Он был удивлён, когда узнал от Финдли, что уходя, Тальви подтвердил ещё раз желание взять Кэтрин в жёны, несмотря на отказ. Молодой и перспективный английский лорд, вполне мог стать хорошей партией для его единственной дочери, но его смущал тот момент, что первоначально Тальви преследовал цель, разлучить молодых, чтобы заставить Кеннета жениться на своей сестре, а уж потом, под давлением фактов, сделал предложение непосредственно Кэтрин. И в целом его поведение открывало как человека взбалмошного, не в меру эмоционального, склонного к авантюрам, ничем не гнушающимся. Отдавать дочь в руки такого опасного человека сэр Генри не спешил.

Глава 2 Родственники

А тем временем Кеннет Макдауэл и его лучший друг Робин Рид благополучно пересекли Ла-Манш и ступили на континент. Робин с воодушевлением относился к этой поездке, ведь, как оказалось, она была не только необходима, но ещё и приятна.

Перед ними простирались изумрудные луга, поля, усеянные рожью, и цветущие долины. Тень лесов спасала от летнего зноя, а реки и пруды помогали снять усталость и смыть дорожную пыль. Оживлённые города, через которые пролегла дорога, вызывали в нём живой интерес; он всё чаще заглядывался на местных девушек, таких милостивых и кокетливых, невольно сравнивая их с чопорными английскими леди. А вот Кеннет, похоже, не обращал никакого внимания на окружающее их великолепие.

Они держали путь к замку герцога де Шиеннен. Титул и замок Филипп Монтгомери унаследовал от своего почившего отца — Эммета Монтгомери, но, будучи человеком светским, всё чаще проводил время в Париже. А вот его дед, Филипп Монтгомери де Ле-Ман, напротив, с потерей любимого сына перебрался в Шиеннен, будто невидимая нить привязала его навечно к тем местам, которые были дороги Эммету. Эти подробности не без труда удалось выяснить Робину накануне отбытия, и чувство невероятной гордости просто

распирало его.

Несколько дней пути казались ему милым приключением, в то время как его другу поездка представлялась сущим адом. И чем ближе они становились к цели путешествия, тем угрюмее и замкнутее становился Кеннет.

Опрометчиво дав слово барону Дамфри, пообещав вернуться с добрыми известиями, он начинал сомневаться в правильности своих намерений. Тревожить привычный уклад жизни человека, который ни разу не вспомнил о нём, заведомо казалось ошибкой. Да и выпрашивать признание было не в характере Кеннета; он согласился на это от отчаяния и теперь склонялся к выводу, что нужно было искать иной выход, а не хвататься за эту соломинку, рискуя пойти ко дну. Но теперь уж ходу назад не было, не поворачивать же с полпути. Быть может, всё не так печально, как ему рисует воображение, и у него действительно есть шанс увидеть своего настоящего отца и узнать из его уст о матери. Узнать всё без прикрас и без утайки.

Поглощённый размышлениями о предстоящей встрече, о том, что он скажет своему предполагаемому отцу, Кеннет даже удивился тому, как скоро они прибыли на место.

В отличие от шотландских замков–крепостей, Шиеннен не имел укреплений. Это был скорее не замок, а дворец, который опоясывала каменная ограда с распахнутыми коваными воротами, которые друзья беспрепятственно миновали. Спокойствие и умиротворение излучал этот красивый и ти-

хий уголок. Его белокаменный фасад, украшенный барельефами и резными балконами, раскинулся ярдов на сто пятьдесят. Дубовую рощу, окружавшую величественное сооружение, надвое разделила дорога, по которой прибыли путники. Утопающий в зелени лабиринта живой изгороди и пестревших в изобилии ароматных роз дворец казался жилищем лесных фей. Дивный трёхъярусный фонтан, венцом которого служила скульптура прелестной Гебы, из кувшина которой, искрясь в последних лучах заходящего солнца, лилась, будто вино, вода, огибала разветвлённая аллея, вновь сходившаяся за фонтаном и ведущая к парадному крыльцу.

Этот путь и привёл друзей прямо ко входу, где им навстречу тут же вышел дворецкий в тёмно-синем сюртуке, отороченном белоснежными кружевами. Здесь даже дворецкий выглядел как настоящий аристократ, с приятной благородной внешностью и утончёнными манерами. С достоинством вельможи он приветственно склонился в поклоне, окинув взглядом Робина, затем остановил свой взор на Кеннете.

– Господа...

Кеннет растерялся. Все его мысли, до того роившиеся в голове, куда-то разбежались, и он не нашёл ничего лучшего, как сказать:

– Уважаемый, мы сбились с дороги. Уже вечерет. Мы можем рассчитывать на гостеприимство этого дома?

Кеннет не придавал значения, но Робин Рид отметил, как

вытянулось лицо дворецкого. Мужчина старался не выдать своего удивления, однако его взгляд цеплялся за Кеннета дольше времени, отведённого этикетом.

Солнце действительно уже опустилось за горизонт, окрашив напоследок своими золотыми лучами белоснежный дворец, словно желая подчеркнуть перед гостями всё его величие. Близилась сумерки, по земле уже стелилась прохлада. Но, похоже, не это заставило дворецкого ещё раз отвести поклон, скрывая лукавую улыбку в уголке губ.

– Разумеется, господа.

Он обернулся, сделал знак и, как по волшебству, откуда ни возьмись, появился конюх, который без лишних слов принял у путников лошадей.

– Ваше сиятельство! – обратился он к Кеннету, жестом предлагая гостям следовать за ним по широкой мраморной лестнице главного входа в просторный светлый холл. Кеннет с особым интересом осматривал убранство залы — такого величия в Шотландии было не сыскать; французская изысканность сквозила в каждой детали интерьера. Изящная лепнина на потолке, который, казалось, лежал на высоких резных колоннах, была расписана позолотой и мерцала в свете ярко горящих свечей. Высокие окна фронтальной стены украшали невесомые шёлковые портьеры, перетянутые чуть ниже середины бечёвкой из золотой нити. Немногочисленная мебель казалась лёгкой из-за изящества линий и форм и удачно подобранного материала всё в тех же нежных свет-

ло-золотистых тонах.

Нечто подобное ему доводилось видеть в особняке Алонзо Версаче. И немудрено, ведь его супруга — одна из Монтгомери, прелестная француженка с обострённым чувством прекрасного.

— Господа, вы можете располагаться здесь. Комнаты к вашим услугам будут готовы в ближайшее время, — предложил дворецкий, не сводя с Кеннета взгляда и уже не пытаясь скрыть некоторое недоумение, похоже, вызванное поведением молодого человека.

— Вы очень добры, — отозвался Кеннет как ни в чём не бывало, вероятно, позабыв о своём сходстве с тем, кто проживает здесь.

Когда дворецкий отправился дать указания о приёме гостей и они остались одни, Кеннет устроился на мягкой софе, продолжая изучать интерьер, будто намеренно отдавая своё внимание убранству, чтобы не думать о предстоящей встрече. На самом деле он даже не знал, с чего начать разговор с тем, кто, возможно, являлся его отцом. Он не думал, что его примут с распростёртыми объятиями; он приехал сюда лишь потому, что опрометчиво поспорил с отцом невесты.

Робин Рид прошёлся по залу, критически всё оглядывая, пока не остановился напротив друга.

— Ну вот, нас сейчас уложат спать, и ничего не узнаем...

— Что-то моя внешность не произвела особого впечатления на дворецкого. Я уже начинаю сомневаться, а не присни-

лось ли мне всё.

– У него же пенсне на носу... – произнёс комично Робин с французским акцентом и плюхнулся рядом с Кеннетом, едва заметив молоденькую служанку, направляющуюся к ним с подносом прохладительных напитков в руках.

Кеннет улыбнулся на его реплику и поднялся, чтобы помочь девушке. Когда он принял у неё поднос, она с удивлением взглянула в его лицо, но не смела возразить, лишь смущённо пробормотала:

– Ваше сиятельство...

– Благодарю, мадемуазель. Позвольте, я сам разолью сок по бокалам. Это ведь сок?

– Да... яблочный. Что-нибудь ещё желаете? – спросила она, не сводя с него глаз.

– Нет, благодарю вас. Можете идти, – он слегка улыбнулся ей.

Девушка поспешно удалилась, а Робин Рид едва не приснул со смеху.

– То ли ты в самом деле на кого-то похож, то ли она просто обалдела от твоей красоты! Мерзавка... меня совсем не заметила.

– Помолчи, – беззлобно откликнулся Кеннет, продолжая улыбаться. – Ты первый красавчик в Лондоне. Тебе ли печалиться? Освежись, – он протянул ему наполненный бокал.

– Благодарю, – отозвался Робин, с удовольствием пригубив сладкий прохладный напиток. – Что дальше? Кажется,

здесь все давно вымерли или тут водится одна прислуга?

– Что-то ты разговорился. Вдруг кто услышит? Я из-за тебя со стыда сгорю.

Робина порой раздражало занудство друга, временами он был невыносим со своей правильностью. От скуки он продолжал осматривать холл; его внимание привлекла мраморная лестница, покрытая ковром, ведущая наверх, и он оживился.

– Кен, глянь... похоже, там галерея. Пойдём, посмотрим на твоих предков.

– Это неприлично, Робин.

– Почему неприлично?! Господи, Кен, до чего же ты... — он не стал продолжать и лишь состроил пренебрежительную гримасу.

Наверху послышались шаги и тихий разговор по-французски, которые тут же привлекли внимание скучающего Робина. Он поднял взгляд на мужчину, спускавшегося вниз: средних лет, но с ясными сиреневыми глазами, такими же, как у его друга. Кеннет тоже обернулся на звук шагов и оставил свой бокал с соком на столике.

Мужчина бросил взгляд на гостей — заинтересованный, пытливый, без тени удивления. Его облик был полон горделивого величия, сам он двигался легко и изящно, с природной грацией. Спустившись, он приблизился, чтобы приветствовать их и узнать, кто они такие. Робин поднялся, встав рядом с другом и с интересом разглядывая француза.

Тот остановился напротив.

– Добрый вечер, господа... – Его голос был мелодичным и приятным. – Ваши комнаты скоро будут готовы... Издалека?

Он перевел взгляд с лица Робина на Кеннета, ничем не выдав своего изумления.

– Добрый вечер, милорд, – ответил Кеннет. – Мы путешествуем из Шотландии и очень благодарны вам за гостеприимство.

Кеннет чувствовал, как внутри него всё клокочет от волнения. Внезапно возникшая сухость во рту от предвкушения реакции хозяина дворца на появление людей с острова заставила его замолчать. С трудом сглотнув, он во все глаза смотрел на собеседника. Неужели вот он, его отец? Однако он гораздо моложе, чем Кеннет мог судить по рассказам Томаса. Хотя внешнее сходство было более чем явным: те же аметистовые глаза, волосы цвета тёмного каштана, линия губ. Быть может, только Кеннет был немного шире в плечах и выше на пару дюймов.

Мужчина, в свою очередь, пристально смотрел в глаза юного Кеннета и видел его растерянность, неуверенность и затаённое желание прояснить ситуацию, заложником которой он стал.

Достаточно долго мужчина изучал лицо гостя, наконец заговорил:

– Чувствуйте себя как дома, сударь...

– Кеннет. Кеннет Макдауэл, – пересохшими от волнения

губами произнёс он и выдохнул: – ...Уэсли.

– А я Робин Рид, – вставил Робин, сияя как новенький фунт, решив тоже представиться.

Но тот лишь из вежливости бросил на него короткий взгляд и вновь взглянул на Кеннета.

– ...Уэсли Макдауэл, – повторил задумчиво он. Это казалось невероятным. Уэсли — он хорошо помнил это имя, но ответить сейчас на свои вопросы, вертевшиеся в голове, не мог.

Он вежливо извинился и отошёл от них, покинув дворец.

Пока молодые люди с интересом провожали взглядом удаляющуюся фигуру мужчины, к ним подошёл дворецкий, сообщив, что их комнаты готовы.

– Прошу прощения, но... кто этот господин? – поинтересовался Кеннет.

– Это граф де Монсальви, – терпеливо ответил дворецкий, причём его глаза выражали, пожалуй, больше удивления, чем испытывал сейчас Кеннет.

– Граф де Монсальви... – пробормотал задумчиво Кеннет, поднимаясь вслед за Робинсом в комнаты. Томас как бы между прочим обмолвился о том, что у Филиппа Монтгомери было два сына-близнеца, Эммет и Филипп: один из них на сегодняшний день был уже мёртв, со вторым же, видимо, только что они повстречались.

Конечно, комнаты, предоставленные путникам, были довольно просторны и уютны, но совсем не те, которые пред-

лагают званым гостям. В одной из комнат их ждал плотный изысканный ужин.

Робин, не отягощённый сложным выбором своего существования, наслаждался ужином в одиночестве. Он не отвлекал друга от раздумий, понимая, что тому не просто, и позволил вволю насладиться своими мыслями. Утолив голод, Робин оставил Кеннета, напоследок похлопав его дружески по плечу в знак поддержки.

Кеннет прошёл к распахнутому окну и выглянул в парк, где розовые клумбы, лаская взор, благоухали в нежном цветении. Мощёные камнем дорожки, извиваясь, уходили вглубь и терялись в ухоженных лабиринтах кизильника.

На душе было муторно, беспокойно, отчего-то ему захотелось поскорее уехать. Сейчас же. Немедленно. Он не хотел продолжать. Затея казалась пустой, не стоящей потраченного времени. Ему следовало искать иной путь, а не ворошить прошлое. Возможно, так на него подействовала встреча с графом Монсальви. Мужчина ничем не выдал своего интереса, и Кеннет чувствовал, что его появления тут никто не ждал и уж явно оно не принесёт никому радости. Напрасно он затеял это. Незаконнорождённый ребёнок никому не нужен. Однако ради Кэтрин он решил дожждаться утра. Быть может, с новым днём его дух воспрянет и не будет так тяжело на душе. Находясь здесь, он понимал, что ему не нужно признание Монтгомери; наверное, он был бы счастлив этому, если бы жива была его мать и её бы принял герцог. То-

гда и Кеннет был бы рад. Но сейчас он не чувствовал ничего, кроме желания вернуться домой, к тому, кто все эти годы был ему отцом.

Кэтрин. При воспоминании о ней он не смог сдержать удручающего вздоха. Милая, порой вздорная девчонка, но всё равно близкая и дорогая его сердцу, ждала с надеждой добрых вестей. Ради неё. Сможет ли он ради неё переступить через себя, свою гордость и обиду?

Спать не хотелось, и Кеннет вышел в парк немного пройтись, когда служанка пришла унести остатки ужина. Всё лучше, чем томиться в четырех стенах, изнывая от беспокойства.

Не спеша юноша бродил по лабиринтам парка, представляя, что, возможно, его мама вот так же когда-то могла здесь гулять. Так ли это? Быть может, всё было совсем иначе, и он напрасно представляет себе печальные картины прошлого. Однако он не мог отделаться от навязчивых фантазий, которые упрямо рисовал его мозг. Он видел Изабель везде: гуляющей по аллеям парка, касающейся дивных бутонов роз, кружащейся на зелёной поляне, читающей книгу в резной беседке, увитой цветущим вьюном. Он даже слышал её смех, звонкий и задорный. От этого неприятно сжималось сердце. От несправедливости жизни, от того, что он никогда не увидит и не услышит её, не почувствует ласковых прикосновений. И у него нет даже воспоминаний. У него украли светлую память о ней, навязав предвзятое мнение.

Остановившись у фонтана, чьи струи, взмывая вверх, с нежным журчанием падали вниз, он присел на бордюр, опустив пальцы в воду. При мысли о том, что, быть может, его мать вот так же когда-то сидела здесь, глядя в своё отражение в воде, он печально улыбнулся.

Возвращаться в комнату не хотелось: там его душили сомнения, а здесь, по крайней мере, дышалось легче.

На небе уже зажигались звёзды, показалась луна, а Кеннет оставался на месте в раздумьях и предположениях, подперев подбородок сцепленными руками, упираясь локтями в колени. Его фантазия разыгралась настолько, что в какой-то момент ему показалось, словно кто-то промелькнул мимо него; колебание воздуха было таким отчётливым, что он вздрогнул, очнувшись от размышлений.

Краем глаза он уловил движение: светлый силуэт скользнул в зелёную арку, скрывшись в глубине парка. Ему показалось, что блеснул огонёк, небольшое пламя свечи, но так ли это?

Кеннет поднялся; его сомнения длились считанные мгновения, после чего он двинулся следом, влекомый любопытством, присущим этому юному возрасту. Через несколько минут он остановился среди белоснежных цветов, вдыхая обволакивающий аромат магнолии, смешанный с запахом жасмина.

Нет, ему не показалось: свеча вновь мелькнула невдалеке. — Что за чёрт, — буркнул он себе под нос и не спеша,

стараясь не шуметь, двинулся следом за этим таинственным светлячком.

Огонёк вывел его на аллею, которая вскоре сменилась узкой тропой, вьющейся среди ухоженных кустов. Немного погодя Кеннет понял, что уже достаточно удалился от дворца, но возвращаться не имело смысла. В какой-то момент он потерял из виду ориентир и сделал несколько шагов наугад. Раздвинув тяжёлые ветви ивы, он увидел естественное зеркало небольшого озера, в котором отражался лунный свет.

Лёгкое движение привлекло его внимание: это было полупрозрачное облако шлейфа, медленно ускользящее за ствол огромного столетнего дуба, под раскидистые ветви. Юноша поспешил следом.

Пронзительный визг нарушил дивную тишину этого уголка, едва Кеннет шагнул за дерево. Большие девичьи глаза в испуге смотрели прямо на него. Он замер, на миг оглушённый криком девушки, и в растерянности взирал на незнакомку, которую прежде принял за видение. Образ его матери, нарисованный воображением, вёл его всё это время, и он уже почти поверил в то, что это её душа спустилась к нему, как случилась неожиданность.

Девушка из крови и плоти, перепуганная не на шутку, стояла перед ним в тонком шёлковом пеньюаре, накинутом поверх ночной сорочки. Шикарные рыжие локоны обволакивали её, будто покрывало, а зелёные глаза блестели на лице, словно две звезды на ночном небе, отражая свет свечи, ко-

торая вдруг выпала из её руки и погасла.

Несколько мгновений они взирали друг на друга, пытаясь разглядеть что-то во тьме, но луна скрылась за облаками, лишив их такой возможности. Кеннет первый пришёл в себя и, поборов оцепенение, сделал шаг назад.

– Мадемуазель, прошу меня простить, я не хотел вас напугать. Моё внимание привлёк свет свечи. Из любопытства я шёл следом...

– Кто вы? Что вы тут делаете?!

Она так кричала, что он растерялся, не зная, как объяснить своё присутствие в этих владениях.

– Мы с другом остановились в замке на ночь, но мне не спалось, и я вышел прогуляться. О, мадемуазель, я прошу прощения тысячу раз. Я незамедлительно уйду, только не волнуйтесь, – пытался он её успокоить, осторожно отступая.

Девушка вдруг улыбнулась, словно и не испытывала только что панического страха.

– Вы англичанин... почему же вы уходите? Вы же шли сюда не для этого.

– Я не хочу мешать вам. Я не должен был идти за вами.

– Тогда зачем шли?!

Её звонкий голос в ночной тишине резал слух. Кеннет поморщился.

– Прошу вас, не кричите, – попросил он, не желая, чтобы она подняла весь дворец.

Кеннет не знал, что ей ответить. И в самом деле, зачем?

Вот она позабавится, если он скажет, будто думал, что увидел призрака.

– Я шёл за светом свечи в вашей руке, мне было любопытно и только.

– Вы, англичане, такие любопытные... Знаете, вы всё испортили, – вздохнула, сокрушаясь, она.

– Испортил... Ну, простите меня, пожалуйста... хотя я даже не знаю, в чём моя вина и что, собственно, я мог испортить. Я сейчас уйду и не потревожу вас больше.

Он уже собрался развернуться, но его остановил её голос.

– Стойте! Проводите меня, пожалуйста, назад.

– Конечно, – согласился он, сбитый с толку её сменой настроения. Тем не менее любезно предложил руку, которую она с готовностью приняла. – Кстати, я из Шотландии.

– Шотландец?! О-о! – Девушка пришла в восторг от такого открытия. – Шотландец! Вот здорово! Вы живёте в крепости и целыми днями пасёте овец в горах?..

Кеннет удивлённо воззрился на неё, не понимая, откуда такие странные сведения, однако поспешил опровергнуть её ошибочные суждения.

– Нет, этим мне ещё не приходилось заниматься, – смущённо улыбнулся он.

– Ну, вы же живёте в Шотландии! – в свою очередь удивилась она. – Сказочная страна! Ну, а замок-то у вас хотя бы есть?

– Да, но, похоже, не такой, каким вы его себе представля-

ете.

– Да? Но всё равно неплохо. Меня зовут Анжели, – улыбнулась кокетливо она и, остановившись, присела в реверансе, словно присутствовала на званом ужине.

– Просто Анжели?

– Просто Анжели, – подтвердила она.

– ... А я – Кеннет.

– Просто Кеннет? – Её взгляд озорно блеснул.

– Просто... – Улыбнулся он ей, вновь увлекая по извилистой тропинке, убирая с пути ветви деревьев, заслоняющие дорогу. – А вы смелая девушка. Ночью в одиночку отправиться к озеру и, встретив там незнакомца, довериться ему, это просто...

– Романтично...

– А если я – разбойник?!

– Ну и что? Похитите меня? Уже поздно... – легко засмеялась она и взглянула в его лицо, когда, наконец, вынырнула полная луна из-за облаков и осветила их путь. Девушка вдруг остановилась, бросив на него взгляд. Он заметил, как изогнулись на миг её брови, а в следующую секунду она легким движением толкнула его в грудь, вскрикнув:

– Ах ты, мошенник!

– Что? – опешил он от столь быстрой смены настроения.

– Я вас не понимаю.

– Ну да! Как ты мог?! – с обидой воскликнула она, топнула в негодовании ножкой, а затем коснулась ладонью его колю-

чей щеки, покрытой недельной щетиной. – Ты снова разыграл меня, Филипп!

Ему понадобилось совсем немного времени, чтобы понять, что всё-таки его сходство с этим человеком действительно присутствует. Но больше играть эту роль ему не хотелось.

– Я не Филипп, уверяю вас.

Девушка продолжала взирать на него с долей обиды. Он стоял перед ней, высокий, крепкий и невероятно похожий на её кузена. Филиппа она не видела примерно месяц, объявив своим родным бойкот и уехав из Парижа в Шиеннен. Вначале она и мысли не допускала, что перед ней её брат: голос, повадки... Но едва разглядев черты его лица и глаза, она сразу подумала о Филиппе. Теперь её взгляд стал настроженным.

—... Вы не Филипп...

— Я же сказал, что я — Кеннет. Кеннет Макдауэл из Эдинбурга.

— Но вы так похожи! Филипп — это мой кузен.

— Я много о нём слышал, но я не Филипп. Клянусь всеми

СВЯТЫМИ...

– Да, вы сказали, что вы — Кеннет Макдауэл, — кивнула она. — Но Боже мой, этого не может быть!

Кеннет видел, что она всё ещё ошеломлена его сходством с родственником. Её изумлённый взгляд продолжал настойчиво скользить по его лицу, сравнивая каждую чёрточку, и молодому человеку уже было неловко от её пытливого взора.

– Миледи, позвольте проводить вас. Становится прохладно, вы простудитесь.

Анжелина неслышно ступала по аллее, бросая на него взгляды. В её головке роилась куча вопросов и, помедлив, она решила спросить его откровенно.

– Почему вы приехали к нам, месье?

– У вас, наверняка, уже есть свои предположения.

– Вы приехали к дедушке?

– Филипп Монтгомери – ваш дед?

– Да. Он живет здесь. А Филипп Монтгомери де Монсальви – мой отец.

Кеннет вспомнил сегодняшнюю встречу в холле замка с сиреневоглазым мужчиной, подумал, что, видимо, о нём упоминала девушка. Он невольно улыбнулся, отметив одну особенность.

– В вашей семье принято всех мужчин называть этим именем — Филипп?

– Так получилось.

Её улыбка выглядела несколько рассеянной.

– А где сейчас ваш дедушка? Я не видел его.

– Вероятно, спит.

– Он, наверное, уже очень стар?

– Дедушка? Странно, вы приехали к нему и всё ещё не поговорили.

Когда они вышли из парка, Анжелина бросила взгляд на открывшийся её взору дворец. Приближаясь к входу, она указала рукой на одно из окон.

– Видите свет? Он ещё бодрствует.

– Да, – кивнул Кеннет, проследив взглядом. Однако не испытал никакого желания немедленно отправиться туда. – Но, думаю, сейчас не время для визита.

Анжелина вновь взглянула на него, и догадка, озарившая её, заставила выдохнуть:

– Макдауэл... Вы же не Макдауэл...

Кеннет, далёкий от её размышлений, не скрыл удивления при таком заявлении.

– То есть как это «не Макдауэл»?

– Просто потому, что вы не похожи на шотландца. Вы похожи на Монтгомери, – с ноткой грусти вздохнула она.

– Похож, – согласился он и открыл перед ней дворцовые двери, пропуская вперёд. – Всего лишь похож...

Девушка покачала головой, не соглашаясь с ним. Что ж, завтра всё станет ясно.

– Доброй ночи, месье, – тихо сказала она и повернулась, чтобы подняться к себе.

– Приятных снов.

Девушка ответила ему улыбкой и поспешила скрыться в своих покоях.

После того как Анжелина Монтгомери едва не спутала его с кузеном, Кеннет уже не сомневался в своём сходстве с наследником старого герцога. Граф Монсальви слишком пристально изучал его черты при встрече, что тоже дало ему право думать о том, что и он терзается догадками, умчавшись в Париж. Граф предпочёл сделать вид, что ничем не удивлён; его холодность и отчуждение были явным свидетельством того, что он был не рад появлению родственника. Этот факт поколебал и без того шаткое желание Кеннета заявить о себе. Никто его тут не ждёт. Но разве он позволял себе такую надежду? Нет. Он чувствовал, что его приезд не вызовет ничего, кроме неприятия. Ещё никто не был рад нечаянному явлению греха молодости.

Не спеша Кеннет поднялся в свою комнату. Ему нужно было хорошенько обдумать то, что он намерен сообщить о себе. Он терзался сомнениями, захочет ли герцог встретиться с ним. Как воспримет сообщение о том, что у него взрослый сын от одной из любовниц? Быть может, выставит его за дверь и всё? Скорее всего, так и будет. Ведь если бы он действительно хотел иметь ребёнка от Изабель, то наверняка никуда её не отправил или, в крайнем случае, попытался бы отыскать, когда она исчезла. С такими неутешительными мыслями Кеннет лёг в постель.

Будь что будет, решил он и, устроившись поудобнее, закрыл глаза, погружаясь в упоительный сон, где были он и его Кейт.

Его разбудило яркое утреннее солнце. Вопреки ожиданиям, он чувствовал прилив сил, хоть и спал совсем недолго. Едва он открыл глаза, как мысли о предстоящем разговоре полностью захватили его и опять стали мучить сомнения в правильности своего решения. Он просто кожей чувствовал, что зря прибыл сюда, но менять что-либо сейчас было глупо. Нужно было время, чтобы убедиться в правильности своих суждений или же — в чём он очень сомневался — его ожидает успех этого предприятия.

Вскоре его потревожили, принесли воды, чтобы он мог привести себя в надлежащий вид, и сообщили, что гостей ждут на завтрак.

Потратив на туалет не более получаса, он, наконец, избавился от недельной щетины и отправился в комнату друга. Робин, как ни странно, был уже на ногах. Когда Кеннет вошёл, тот стоял у зеркала, застегивая камзол и распевая себе под нос весёлую песенку.

– Эй, трубадур! – окликнул его Кеннет, ступив через порог. – Рад видеть тебя бодрым. У меня новость.

– Новость? Интересно, – отозвался тот, отвернувшись от созерцания себя в отражении и взглянув на друга.

Кеннет прошёл и плюхнулся в одно из кресел. Он улы-

бался, видимо, находясь в хорошем расположении духа. По-медлив немного, чтобы заинтриговать друга, он таинственно произнёс:

– Ночью я встретился с прекрасной нимфой. Это случилось, пока ты сладко спал, как всегда; именно в эти моменты я имею удовольствие разделять общество милых леди.

– Ну да! Может, мне уснуть вечным сном ради тебя, дружище? – произнёс он, усаживаясь напротив. – И... продолжай! Познакомился с какой-то там кикиморой...

– Ты проглотишь свои слова, когда увидишь её, – усмехнулся Кеннет. – Она красавица, Боб. Но, к огромному моему сожалению, Анжелина — моя близкая родственница.

– Родственница? Кен, может, давай по порядку? Где ты с ней познакомился?

– В парке, у водоёма. Когда ты вчера ушёл, я спустился в парк. Сон ко мне не шёл, и я решил прогуляться. И вот на какой-то миг мне показалось, что я вижу неяркий свет вдалеке. Я отправился следом, движимый любопытством, – Кеннет сделал паузу и многозначительно взглянул на приятеля, продолжая расписывать прошедший вечер, чтобы заинтересовать его. По большому счёту он так увлёкся рассказом о ночной встрече, чтобы поменьше думать о деле, заставлявшем его нервничать. – И там, где тонкие ивы тянут ветви к воде, где звёзды любят своим отражением... где нежный аромат цветов пьянит как вино... там я увидел её. Ах, Робин, её глаза... её губы... она была в белом пенюаре, и его

шлейф струился, когда она словно плыла по мягкой траве... неслышно, будто была не из плоти. Высокая, стройная, окутанная копной восхитительных локонов цвета меди...

Но вопреки его ожиданиям Робин остался равнодушным к его словам. Его глаза сердито сощурились. Кеннет забыл, что тот является сторонником его молодой жены.

– Ну что ты так смотришь на меня, Боб?! – воскликнул Кеннет, удивлённый, что его хвала девушке не произвела на друга должного впечатления.

– Продолжай, дорогой мой друг... ты наверняка жалеешь, что она оказалась твоей родственницей!

– О Боже, – вымученно вздохнул Кеннет и сердито добавил: – Может, и так? Что с того?

– Ладно, – кивнул Робин, – ты закончил на... восхитительных волосах цвета меди, – напомнил он ему в тон.

Кеннет упёр в него сердитый взгляд. Он хотел лишь вызвать любопытство друга, и ему не нравилось, что, хотя и в шутку, Робин подозревает его в том, что он влюбился в Анжелину, позабыв о Кэтрин. Поэтому бросил лишь одно:

– Сегодня сам увидишь.

– Мы остаёмся?

– Не знаю... но ведь нас позовут к завтраку, как ты думаешь?

– Будем надеяться, – вздохнул Робин. – Что это и все новости?

– Да. Хотя нет. Она дочь графа Монсальви. А её дед, Фи-

липп Монтгомери, жив-здоров. Уверен, она что-то заподозрила.

– Ну а почему бы нет? Интересно мне взглянуть на молодого Филиппа Монтгомери...

Кеннет поймал себя на мысли, что не горит желанием этой встречи, и поспешил отшутиться.

– Боб, – позвал Кеннет. Его глаза озорно блестели, когда он заговорщически произнёс: – А я-то глупец, рассказываю ему о сказочной красавице... в то время как он тайно заинтересован в встрече с её кузенком.

Робин швырнул в него декоративной подушечкой с кисточками на уголках, которую нашёл тут же в кресле. Кеннет ловко поймал её, смеясь. И тут в дверь постучали.

– Войдите, – в один голос пригласили они, пряча улыбки.

Это был слуга; он предупредил, что через полчаса их ждут к завтраку. Когда тот удалился, закрыв дверь, Кеннет довольно улыбнулся.

– Надеюсь, она спустится к столу. Ты ещё пожалеешь, что так небрежно говорил о ней.

Робин только хмыкнул.

– Неужто она милей Антонии?

Это вновь был камень в его огород. Кеннет взглянул на друга с обидой.

– При чём тут Антония?

– Не знаю. Но ты вечно их где-нибудь находишь, – вздохнул Робин.

– А ты завидуешь.

– Ха! Просто я не растрачиваюсь по мелочам!

– О, да! Ты ждёшь встречи с самой принцессой!

Робин самодовольно кивнул, потом вздохнул.

– Мечты... отец, несомненно, устроит мой брак.

– И тогда я посмотрю на твою спутницу жизни.

Робин скорчил ему рожицу, повеселив приятеля.

В назначенный час они спустились в трапезную. В просторной светлой зале за большим накрытым столом их ждала одна Анжелина. Завидев молодых людей, она поднялась навстречу, приветливо улыбаясь. При свете дня она и впрямь оказалась очень милой. Яркие красные губы и зелёные глаза выделялись на белой матовой коже, слегка тронутой редкими веснушками, придающими её образу немного озорства; пышные волосы были собраны в незатейливую причёску, скреплённую золотыми шпильками на макушке, и только несколько непокорных завитков украшали высокий лоб. Бледно-розовый шёлк открытого платья как нельзя лучше передавал атмосферу летнего утра, такого же свежего и воздушного.

– Доброе утро, мадемуазель, – произнёс Кеннет, нежно касаясь губами её протянутых пальчиков.

– Доброе утро, месье, – ответила она Кеннету и Робину. В отличие от Кеннета тот ограничился лёгким поклоном. – Я подумала, что вы уедете ни свет ни заря, и решила пригласить вас на завтрак.

– О, мадемуазель, как это любезно с вашей стороны, – Робин вежливо улыбался, пытаясь напомнить о себе, когда взгляд девушки вновь задержался на лице Кеннета.

– О, – спохватился Кеннет. – Это мой друг — Робин Рид. Простите, что не представил его вам сразу, мадемуазель Анжелина.

– Ваш друг тоже шотландец? – Анжелина отметила его акцент и свободным движением руки предложила сесть за стол.

– Он наследник английского графства, мадемуазель. Мы вместе учились в университете.

Когда они расселись, Кеннет отметил изящество сервировки, а затем и обслугу, будто бы невидимую, но в то же время их бокалы были уже наполнены превосходным вином.

Анжелина из вежливости полюбопытствовала, в каком университете они учились, а потом с лёгкостью перевела разговор на другую тему, ведь в большей степени её интересовал Кеннет, а не его друг. Они воздели бокалы за знакомство и приступили к завтраку. Вино слегка подняло им настроение, и они заговорили более непринужденно, а вспомнив вчерашнюю встречу, даже немного посмеялись. Девушка рассказала о себе, объяснив наконец Кеннету свою тягу к Шотландии. Её мама, которую Анжелина совсем не знала, была шотландкой. От неё она и унаследовала эти рыжие локоны.

– Я мечтаю поехать в Шотландию.

– Мне не кажется, что по этому поводу существуют значительные препятствия.

– Да, возможно, когда-нибудь услышу эти дивные звуки... простите, как вы их называете...

– Что? Звуки?

– Ну да... ваш народный инструмент, на котором вы играете...

Робин со всех сил пытался удержать смех, рвущийся наружу. То ли он всё так истолковал, то ли она скверно изъяснялась на английском.

– Вы что, имеете в виду волынку? – пытался понять её Кеннет.

– О, да! Точно! – улыбнулась Анжелина.

– Приезжайте в Шотландию, и вы вдоволь наслушаетесь этой музыки...

Они ещё немного поговорили о Шотландии, потом приступили к десерту с чаем, удобно расположившись на террасе, с которой открывался необыкновенный вид на луга. И тогда-то Анжелина тихонько призналась:

– Я говорила о вас с дедушкой.

– Обо мне? С ним? Когда? – удивился Кеннет, не ожидавший, что их разговор о прекрасном так круто повернётся. Их беседа была так легка, что он уже и забыл о причине своего появления в этом месте.

– Он хочет поговорить с вами, – мягко добавила она.

– Со мной?.. – переспросил он, вдруг осознав, что не хо-

чет ничего менять. Не хочет никаких разговоров и оправданий. Но Кэтрин! Ей он обещал... и сэру Генри. Он нехотя согласился. — Ну, что ж, хорошо.

Предстоящая встреча с отцом отчего-то его не радовала. Только тревога закралась в сердце, мигом вытеснив все другие чувства.

— И когда я должен идти к нему?

— После обеда. Я дам знать. Вы ведь всё равно не спешите? — она перевела взгляд на Робина, и тот в подтверждение мило заулыбался.

— Мы не хотели задерживаться, — признался Кеннет.

— Даже если и спешите, вы же не станете так быстро лишать меня своего общества. Знаете, здесь так скучно, просто жуть! Иногда даже не знаешь, чем себя занять, кроме библиотеки да прогулки верхом, просто нечего делать. Да, кстати, месье Кеннет, я видела вашего превосходного жеребца! Он самый настоящий, шотландской породы?! Вы должны меня прокатить... пожалуйста, не отказывайте!

Он понимал, что её просьба — просто причина задержать его, но отказать не мог. Едва улыбнулся, не став разочаровывать девушку тем, что конь вовсе не из Шотландии, и согласился сопровождать.

По желанию Анжелины друзья отправились верхом на прогулку по лугам, простиравшимся вокруг. Ближе к полудню солнце стало печь невыносимо, и Анжелина предложила спутникам проехать еще немного — туда, где около оре-

ховой роши протекал ручей. Там, в тени деревьев, они могли отдохнуть и напоить коней.

Всё это время, Кеннет хоть и был с ними, но мысли его то и дело возвращались к утреннему разговору. Вскоре ему предстоит встреча с самим герцогом де Ле-Ман, Филиппом Монтгомери. Он хотел видеть его, Кеннета. Наверняка девушка упомянула о его сходстве с хозяином замка, иначе бы Кеннету никогда не представилась бы возможность встретиться с ним. Этот старик прочно засел в своих комнатах, словно медведь в берлоге, и, по-видимому, не собирался выходить оттуда. А Кеннет будто очумел: он никак не хотел сам идти к нему, хоть поводов для встречи хватало вдоволь. Неясно отчего, но Кеннет испытывал необъяснимый страх перед этим человеком, ему было в тягость даже элементарное: отблагодарить лично за оказанное гостеприимство. Но что он скажет этому человеку при встрече? А если его откровения ранят слабое сердце Монтгомери? Так Кеннет в жизни себе не простит. Он терялся в сомнениях и тревогах, совсем позабыв о спутниках. Для Кеннета время бежало неумолимо быстро, и пора была уже возвращаться в Шиеннен.

Обед как-то не шёл Кеннету, мучительные сомнения не оставляли его, и Анжелина с Робинотом всё время пытались его отвлечь, осознавая истинные мотивы его волнения, но тщетно. Он всячески старался убедить себя, что эта встреча неизбежна ради благополучия Кэтрин, но внутреннее сопротивление было столь велико, что он начал всерьёз сомне-

ваться в своём поспешном выборе. Хотя где-то в глубине души он жаждал увидеть того, кого мать посчитала своим избранником, того, кто сумеет поведать ему о ней без прикрас и без предвзятости, того, кто знал её иной. Ведь Кеннету так трудно было разобраться в тех противоречивых сведениях, что витали вокруг имени Изабеллы, сколько он себя помнил.

Анжелина, провожавшая Кеннета в библиотеку, остановилась неподалёку от двери и взглянула на него ободряюще. Он нервничал, его рассеянность была видна невооружённым взглядом: глаза полны печали и тревоги. В его голосе промелькнуло сомнение, когда он спросил:

– Вы уверены, что герцог хотел поговорить со мной?

– Уверена. Не стоит так волноваться, Кеннет, ведь это всего лишь разговор...

– Да, наверное. Именно так.

На его губах появилось подобие улыбки и, обречённо вздохнув, он потянулся к дверной ручке.

Человек, которого увидел Кеннет, вовсе не соответствовал его представлениям. Он ожидал встретить ссутулившегося старика, потрёпанного временем, измождённого каждодневной борьбой за место под солнцем, утратившего все силы в годы бурной молодости, но перед ним предстал крепкий, широкоплечий мужчина. Даже старость не заставила его согнуть спину, он всё так же имел прежнюю гордую статью. Лишь седина посеребрила его волосы и добавила морщин на лице. В его заинтересованном взгляде Кеннет отметил отра-

жение своих собственных глаз, фиалковых, присущих всем мужчинам рода Монтгомери. И от него веяло такой неисчерпаемой энергией, что казалось, сам воздух в кабинете вибрировал и звенел.

Монтгомери стоял, подбоченившись, у стола, опираясь на него одной рукой, и яркий солнечный свет, льющийся из распахнутого настежь окна, играл перламутром на его жемчужного цвета костюме.

– Ваша светлость желали говорить со мной... – вымолвил Кеннет, слегка склонив голову в приветствии. Стук сердца заглушал все звуки в округе, так неистово оно колотилось в груди.

Монтгомери едва уловимо улыбнулся. Кто хорошо знал его, счёл бы такое проявление чувств невероятным. Он редко поддавался сантиментам даже в годы юности, а ныне на ласковый взгляд могли надеяться лишь наследники его почившего сына Эммета.

Кеннет был совсем не готов к этой встрече. Это осознание снизошло сию минуту, в то мгновение, когда он встретился взглядом с этим человеком. Он сам ещё никак не мог принять то, что является наследником Монтгомери, что говорить о человеке, который видит его впервые. Кеннету вдруг стало стыдно только за одно своё существование, за то, что он является живым воплощением греха своей матери, который так настойчиво скрывал от всего мира Вильям Уэсли. И сейчас, когда покровы тайны были сорваны, юноша чувство-

вал, будто его душа обнажена, и все те сомнения, что бередили сердечную рану, всколыхнулись, заставив пожалеть о визите.

– Проходите, Кеннет, присаживайтесь. Да, я хотел с вами поговорить.

Повинуясь, юноша шагнул внутрь на вдруг отяжелевших ногах. Волнение заставляло его задыхаться; он мог списать это на удушливую летнюю пору, но вкупе с нехваткой воздуха он ощущал, как по спине проскользнул холодок.

Они сели в кресла, но юноше всё равно не удавалось расслабиться.

– Я давно вас жду.

Кеннет был сбит с толку его словами.

Ждёт? Давно? Как давно? Откуда он узнал о нём? Ах, да!

Версаче!

– Зачем? – вырвался глупый вопрос прежде, чем Кеннет успел сообразить, какую чушь сморозил.

– Зачем... – задумчиво повторил Монтгомери. – Сначала вы ответьте. Вы же не случайно здесь оказались.

Кеннет упрямо сжал губы, отводя взгляд, потому что он не мог спокойно смотреть в глаза этому человеку. Они пронизывали насквозь. Он раскусил его на раз, догадавшись, что приезд был спланированным. Увиливать не было смысла.

– Да.

– Вы сын Изабеллы Уэсли... Кеннет, давайте поговорим начистоту. Думаю, мы многое сможем рассказать друг другу.

Кеннет не отвечал. Он вдруг замкнулся в себе, понимая, что не готов к этому разговору. Он всё ещё не мог принять этого человека за своего отца, он был ему чужим, и откровенничать о самом личном с ним не представлялось возможным.

Монтгомери тоже замолчал, задаваясь вопросами. Тишина была напряженной. Юноша ушёл в себя, в итоге и ему сложно было объясниться с ним. Одно было несомненно: этот мальчик – Монтгомери. Но зачем он приехал? Узнать об отце? Или, наоборот, ищет мать? Или теперь он хочет заявить о себе? Возможно, всё вместе. И в то же время герцог сомневался. Кеннет походил на его сына Филиппа, а не на Эммета. Если бы он унаследовал нрав последнего, то навряд ли заставил себя так долго ждать. Юноша, что говорится, только что «вышел из пелёнок», так что если ему вдруг захотелось просто узнать правду о себе? Нет, не ту правду, которую ему навязывали всю сознательную жизнь.

Герцог поднялся, чтобы наполнить бокалы, шагнул к секретеру, отворив резную дверцу, и выудил из недр стеклянный, обрамлённый в серебро графин. Вино должно было несколько разрядить обстановку.

– Вы впервые в Париже? Как вам Франция?

– Красиво, – ограничился Кеннет и, заметив краем глаза действия Монтгомери, добавил: – Я не буду вино.

– Тогда что вы пьёте?

– Ничего не нужно, – сухо бросил Кеннет.

Монтгомери поставил два бокала с янтарным вином на стол и вернулся в кресло.

– Что же, даже ради знакомства? – спросил Филипп Монтгомери, посмотрев в лицо Кеннета. – Знаете, юноша, такое чувство, будто вы заблаговременно настроены против членов семьи Монтгомери. Так это не вам пристало обижаться, а мне — за то, что я узнал о вашем существовании только сейчас.

– Моё существование не должно вас волновать, ваша светлость, – вдруг отозвался он, вскинув взгляд в лицо отца. Кеннет внезапно рассердился оттого, что этот человек упрекает его в запоздалом появлении в своей жизни, в то время как сам ничего не предпринял, чтобы Кеннету не было нужды делать этого. Если бы он не избавился от надоевшей любовницы, то непременно узнал о её положении, и тогда всё было бы иначе. Но он просто выставил её вон, и после ни разу не попытался отыскать. Значит, она была ему не нужна. А вместе с ней и ребёнок. Так зачем же сейчас, пользуясь его неопытностью, он пытается одурачить, желает пустить пыль в глаза.

– Напрасно вы так думаете. На собственном опыте знаю, что значит быть отвергнутым семьёй. И хотя общество всегда не одобряло моих взглядов на жизнь, я всё-таки делаю по-своему. Конечно, Кеннет, это ваше дело и ваше право, но... Мои дети всегда будут моими детьми, причём не из простого принципа, а потому что я так хочу. Честно сказать,

я рад, что вы приехали, рад, что мне удалось увидеть сына
Изабель... и Эммета.

Услышав это заявление, Кеннет метнул на него взгляд,
полный неприкрытого возмущения, но герцог так и не

смог этого распознать. Кеннет чувствовал, как негодование вспыхнуло огнём в груди. Ладони сами собой сжались в кулаки, будто так он надеялся заставить себя успокоиться и не натворить глупостей, о которых впоследствии мог бы пожалеть.

Эммета? Что значит сын Эммета?! Да, что он такое несёт?! Ведь Томас уверенно говорил о герцоге, а не о его несчастном сыне, оставившем этот мир в самом расцвете лет. Пытается свалить всю вину на того, с кого нет спроса? Как это низко!

– Мне жаль, что я побеспокоил вас, – вдруг сказал Кеннет, поднимаясь. Он чувствовал, как у него от напряжения кружится голова, как все его представления о встрече рассыпаются прахом. – Прошу меня простить, но мне пора ехать. Прощайте, герцог, – он склонил голову и стремительно шагнул к двери, едва сдерживаясь, чтобы не бежать прочь от такого унижения. Только что его мать обвинили в связи с другим мужчиной. А ведь это может быть правдой! Каких только грехов не приписывали Изабелле Уэсли, один Бог знает.

Герцог ничего не сказал ему, провожая молчаливым взглядом. Кеннет чувствовал его каждой клеточкой тела, вероятно подсознательно откликаясь на зов рода, но гордыня оказалась сильнее. Остановившись, он взялся за дверную ручку и неожиданно для себя выдал, даже не обернувшись:

– Пожалуйста, забудьте о моём существовании. Это ошиб-

ка. Я не Монтгомери и никогда им не был.

С этими словами он вышел, неосознанно хлопнув дверью, и опрометью бросился вниз по лестнице.

Герцог не стал его останавливать, желая дать время подумать над этим основательно и осознать происходящее. Лишь тогда юноша сможет принять ситуацию. Он прекрасно понимал его чувства, ведь когда-то, в своё время, и он так же кричал, что он не Бриссар.

Анжелина и Робин ждали молодого человека на террасе, расположившись в удобных мягких креслах и попивая ароматный чай за непринуждённой беседой.

– Поехали, Робин! – позвал Кеннет, едва взглянув на парочку. Внутри него всё клокотало и кипело, казалось, в душе проснулся вулкан и готов излиться наружу, опалая всех своим огнём.

– Что значит «поехали»? – возмутился Робин, совершенно не готовый к такому повороту событий. Он ведь только добился внимания Анжелины и надеялся продлить это знакомство подольше, но ему пришлось отставить чашку на столик и поспешить за своим стремительно удаляющимся прочь другом.

– Это значит, мы уезжаем! Немедленно! – бросил Кеннет, затем приостановился, взглянув на Робина, взял себя в руки и добавил как можно спокойнее: – Я еду сейчас, а ты, как закончишь с любезностями, догоняй меня. Я буду ждать тебя

в гостинице «Три лилии».

После чего оставил друга, который проводил его недоумевающим взглядом. Через несколько минут Кеннет словно ураган пронёсся по аллее прочь от замка.

Он всё подстёгивал коня, желая оказаться как можно дальше от Шиеннена, но мысли, которые гнали его прочь, не спешили оставлять его голову.

Только что человек, о котором Томас твердил как о его настоящем отце, заявил ему в лицо, что его отец — Эммет. Эммет Монтгомери, почивший уже двадцать лет назад. Да, если брать временной промежуток, то он теоретически мог бы им быть, но тогда получалось, что Изабелла была близка с Эмметом. Или просто герцог пожелал свалить всю ответственность на повесу-сына? Молодой человек запутался. Все эти тайны и интриги никогда его не привлекали, а просить было и того горше. Его самолюбие было уязвлено, и демон гордыни затуманил разум. Он позабыл про Кэтрин и про то, что обещал её отцу. В сердце только росла неприязнь к Монтгомери. За прошлое. За то, что его мать смешали с пылью, сделав попытку усомниться в её словах.

Он мчался во весь опор, но даже ветерок не мог остудить огня, которым был охвачен Кеннет. Двигался он почти наугад, настолько был поглощён навязчивыми мыслями и образами из прошлого, грозящими ныне разметать его будущее.

Около четырёх пополудни Робин добрался до указанной

гостиницы.

Его любопытство возросло до критических размеров, поведение Кеннета изумило до крайности не только его. Анджелина, не удостоившаяся даже прощального взгляда, была озадачена не меньше. Однако Робину ничего не оставалось делать, как последовать за другом, чтобы выяснить причину столь неуважительного поведения.

Он нашёл его в полутёмной комнате наверху. В одиночестве попивая вино из глиняной кружки и смотря невидящим взором в пустоту, Кеннет даже при появлении приятеля не двинулся из-за стола, за которым сидел.

— Ну, рассказывай... — предложил Робин, переступая порог.

Но Кеннет явно был не расположен обсуждать то, что сейчас его больше всего терзало, а именно отношения его матери с мужчинами из дома Монтгомери. Что ему сказать? То, что герцог прозрачно намекнул, что примет его как ребёнка Эммета?

— Ничего, — буркнул он, не отрываясь от кружки.

— Что значит «ничего»? Ты вылетел оттуда пулей.

— Я не хочу говорить об этом. Может, позже. А лучше забудь об этом путешествии.

Робину пришлось унять свой интерес и не тревожить его, пока Кеннет в таком подавленном настроении. Он надеялся, что со временем всё образуется и, возможно, друг поделится с ним своими переживаниями. Не настаивая более, Робин

отправился заказать им сытный ужин и светильник, чтобы попытаться в дружеской атмосфере отвлечь приятеля от горестных дум своими впечатлениями о прелестной мадемуазель Монсальви.

На следующий день они отправились в обратный путь. Чем стремительнее они приближались к Англии, тем сильнее Кеннет ощущал злость на Лотера. Ведь именно из-за него сейчас происходило чёрт знает что. Он не сомневался, что именно с его лёгкой руки барон с такой готовностью отложил свадьбу своей дочери и выдвинул семье Макдауэл претензии.

Из-за него он отправился во Францию, где имел неприятный разговор с герцогом. И ещё он постоянно тревожил Кэтрин по поводу и без. Нужно было указать ему на его место, чтобы у него отпало всякое желание и впредь докучать ей. Он поделился с другом, что намерен навестить Лотера и потребовать от него объяснений, но Робин отговорил его от затеи наведаться в дом Теи Реймской, предложив устроить нежданную встречу за пределами особняка, чтобы противник не успел придумать какую-нибудь ловушку, в которых он был мастак. Было решено не высовываться какое-то время, чтобы не привлекать к себе излишнего внимания, и выследить обидчика вне родных стен. Робин вызвался выяснить, где предпочитает бывать Лоте?р де Тальви.

Около недели Робин Рид появлялся в кругу общих знакомых, ненавязчиво выясняя об излюбленных местах Лотера,

и наконец ему улыбнулась удача — этим вечером он намеревался быть в театре.

Глава 3 Стычка

Этим вечером над городом собирались тучи, обещая затяжной, унылый дождь. Но это обстоятельство не заставило Кеннета отказаться от своего решения повидаться с англичанином. Проводив друга к театру, он завернул в близлежащий кабачок, чтобы скрыться от первых крупных капель, упавших с неба.

Затея его ничуть не радовала, он не смаковал свою месть, ему просто нужно было на кого-то выплеснуть досаду.

В заведении было прилично народа, но он всё же нашёл себе тихий уголок, где намеревался дожидаться знака от друга за кружкой вина.

Пока Кеннет без интереса рассматривал разношёрстную братию местных бездельников, завсегдатаев заведения, Робин черпал куда более приятные впечатления от театрального действия. Однако не забывал, что именно привело его сюда. И, завидев в зрителях Лотера, ненавязчиво принялся за ним наблюдать, готовый в любой момент сорваться с места, если тот решит покинуть мероприятие. Его взгляд скользнул немного в сторону, остановился на спутнице Лотера. Это была не Мария Эссекс, с которой его видели довольно часто. Эта красивая юная леди совсем не была похожа на томную англичанку, и, узнав её, Робин опешил. Ему не терпелось найти Кеннета и всё ему рассказать, но приходилось ждать

окончания. Ведь не было гарантии того, что пока он будет разыскивать друга, англичанин не уйдёт раньше.

В бездействии время тянулось непомерно. Кеннет уже начинал скучать, сидя у пылающего очага и неотрывно глядя на искрящиеся языки пламени. В зале было тепло и шумно. Спасаясь от дождя, в трактир повалил народ. Здесь были и зажиточные горожане, и путники, и даже группа молодых беспечных дворян.

Ему было ни к чему привлекать к себе внимание, потому он, взяв ещё порцию вина, пересел в дальний угол, у окна, где было удобнее наблюдать за происходящим снаружи. Ожидание оказалось мучительно долгим; молодой человек считал каждую минуту, приближающую его к развязке. Его одиночество и явное нежелание общаться с кем бы то ни было постепенно заинтересовали окружающих. Он уже стал замечать любопытные взгляды шалопаев, которым не терпелось затеять с кем-нибудь ссору. Настроение было прескверным, и, скорее всего, чей-то неосторожный выпад вывел бы его из себя, но он помнил о своей цели. Потому ему пришлось немедленно расплатиться и уйти, чтобы из-за чьей-то глупости не упустить возможность поквитаться с обидчиком.

Подняв повыше воротник, скрывавший наполовину его лицо, и надвинув на глаза шляпу, он вышел в промозглую ночь, сразу же попав под морозящий дождь. Торопливо прошёл мимо окон, остановившись под навесом неподалёку от

того места, где оставил лошадей.

Ещё некоторое время ему пришлось подождать, прежде чем из дверей театра выскользнула одинокая фигура в плаще и двинулась в его сторону.

Кеннет узнал друга и шагнул ему навстречу под свет фонаря. Он сделал знак, привлекая внимание, и, едва тот успел приблизиться, из театра хлынули одухотворённые зрители.

– Я так понимаю, он там? – скорее утверждая, произнёс Кеннет.

– Там. Он не один. С Антонией, – на одном духу выложил тот.

– С Антонией? – невольно переспросил Кеннет. Его взор попытался прочесть в лице друга, не шутит ли он. Антония в компании Тальви здесь – это немыслимо! Однако серьёзный взгляд друга не таил в себе и тени шутки.

На какое-то мгновение Кеннет замер в нерешительности. Он не предполагал, что эта девушка встанет на его пути таким неожиданным образом. Он вообще не рассчитывал, что Лотер будет в компании, и намеревался встретиться один на один, без лишних свидетелей. Но что он мог сказать Лотеру такого, о чём не было известно Антонии? Что ж, судя по всему, она всё же приняла предложение матери и вернулась в семью. Её появление на публике с братом сметало все сомнения.

Он вдруг почувствовал себя уязвлённым. Неужели всё это время она ему лгала, так ловко притворяясь невинной жерт-

вой, в то время как была ни больше ни меньше пособницей своего брата? И принимала активное участие в той злополучной сцене, которую Лотер вынудил наблюдать Кэтрин.

Её исчезновение, затем появление в номере гостиницы, а теперь выход в свет со своим братом. Всё складывалось, но с трудом верилось, что Антония обманывала его столько времени. Для этого не было видимых причин. Но факт налицо!

– Вот как... значит, культурно проводит время в компании брата. Что же, тем лучше. Ничего менять не будем. Я встречу с ним, как и собирался.

С этими словами он отвязал своего коня. Робин последовал его примеру, после чего, взлетев в седло, двинулся за другом в сторону особняка герцогини Реймской. Отъехав немного, Кеннет отстал и завернул в проулок, чтобы дождаться, пока экипаж Лотера де Тальви не проедет мимо. Таким образом, Робин оказался впереди, а Кеннет позади кареты, катившей, как и предполагал Кеннет, к особняку.

Ночь выдалась тёмная, тучи затянули весь небосклон, ни свет луны, ни сияние звёзд не могли проникнуть сквозь эту чёрную стену. Дождь усилился, а от фонаря кареты было мало проку. Кучер продолжал управлять четвёркой, едва различая дорогу сквозь сплошную завесу проливного дождя. Неожиданно путь ему преградил всадник, вынудив резко натянуть поводья, чтобы придержать лошадей.

– Во имя всех святых! – воскликнул возница. – Сударь, вы ошалели, что ли?

Преграждая путь, Робин хранил молчание. В следующую секунду другой нападающий распахнул дверцу кареты и, заскочив на ступеньку, заглянул внутрь. Всё произошло слишком быстро и неожиданно, чтобы Лотер осознал, как он оказался вытасканным за ворот из экипажа и брошенным на мостовую.

Однако ему понадобилась пара секунд, чтобы оценить ситуацию. Словно оцетинившаяся пантера, он вскочил на ноги. Его ладонь сжала рукоять кинжала.

Время остановилось. Нападающий не двигался, наблюдая,

как Лотер затаился в ожидании, пытаясь рассмотреть противника.

– Да что происходит?! – завопил возница, но тут же умолк, когда Робин, угрожая ему пистолетом, велел замолчать и трогаться дальше. Тот не заставил себя долго упрашивать и поспешил убраться, погоняя лошадей, ведь в карете была ещё юная леди, которой так же грозила опасность со стороны этих людей.

Экипаж рванул прочь, оставив посреди тёмной улицы две застывшие фигуры.

Когда Лотер увидел, как незнакомец шагнул к нему, оказавшись достаточно близко, он узнал его. Это был Кеннет Макдауэл. Лотер не двинулся с места, но его пальцы сильнее сомкнулись на рукоятке кинжала.

Кеннет чувствовал, как от англичанина повеяло угрозой, однако его совсем не смутил блеск стали в руке молодого человека. Кеннет молчаливо смотрел на него, и невольно ему вспомнилась их первая встреча в подземельях Холирудского дворца. Тогда он искренне предлагал этому человеку дружбу, не догадываясь о его скрытых намерениях. Как удивительно порою жизнь: думаешь, что находишь друга, а, оказывается, приобретаешь врага. Только за то, что этот молодчик посмел так бесцеремонно вести себя с Кэтрин, его следовало проучить.

Неторопливо Кеннет потянул за край тесьмы, сдерживающей на плечах плащ, и отбросил его прочь, чтобы не стес-

нял движений. Шляпа тоже сейчас ему была не нужна, он избавился от неё так же. Холодный дождь принял его в свои объятия, но едва ли он мог потушить огонь, бушевавший в груди.

Лотер не шелохнулся. Он был без шляпы, его волосы мокрыми прядями легли на лоб, спадая на глаза. Противные капли пробрались за ворот камзола. Неторопливым, но настойчивым движением он снял его и швырнул в лужу. Кеннет не увидел ухмылки в уголке его губ, сосредоточив внимание на хищном взгляде, горевшем, как у кошки, когда Лотер произнёс приглушённым голосом:

– Должен заметить, у вас своеобразный метод вызвать меня на дуэль.

– Дуэль? Нет, на поединок вызывают людей чести, а тех, кто не гнушается грубой силой по отношению к незащищённым девушкам, того следует учить, как собаку, – хорошей трёпкой.

– Дуэль... никакой дуэли, Тальви, – спокойно возразил Кеннет.

Он продолжал неторопливо наступать, вынуждая противника обороняться, не придав значения тому, что тот вооружён.

Лотер крепче сжал эфес, но с места так и не сдвинулся. Кеннету пришлось сделать обманный выпад, чтобы расшевелить его. Сохраняя напряжённое молчание, они двигались по кругу, пытаясь предугадать намерения соперника и

вовремя отразить удар. Лотер, заметив, что Кеннет безоружен, не решился воспользоваться кинжалом: кодекс чести, известный лишь ему одному, не позволял так поступить. Со свойственной ему самоуверенностью и надменностью он артистично «раскрыл объятия».

Он понимал, что Кеннет Макдауэл превосходил его по силе, был выше и шире в плечах, но надеялся на свою ловкость. Лотер был хорошим фехтовальщиком и всегда отличался изворотливостью; он мог вымотать соперника, если тот был недостаточно поворотлив. Но сейчас назревала не дуэль, а обычная рукопашная схватка.

Кеннету понадобилось совсем немного времени, чтобы загнать Лотера в угол. И вот теперь лезвие злоеще блеснуло в свете фонаря, под которым они остановились. Никто не мог наверняка сказать, как долго Лотер будет придерживаться своих правил, а быть заколотым, словно телёнок, Кеннету не хотелось. Он расстегнул камзол, неторопливо снял его, не отрывая взгляда от Лотера и не понимая, почему тот не атакует. Помедлив, швырнул камзол ему в лицо, дестабилизировав. Лотер не ожидал такого, и Кеннет воспользовался его секундным замешательством, чтобы попытаться обезоружить его. Уворачиваясь, Лотер потерял бдительность, поскользнулся на мокрой мостовой, чем и воспользовался Кеннет, без сожаления выбив ногой из его руки оружие. Не тратя времени попусту, он склонился, схватил за грудки соперника и приподнял, вынуждая его встать на ноги, потом с силой

ударил о стену дома, у которого они сошлись в схватке. На миг Лотеру показалось, что душа вышла из тела, но в следующую секунду отрезвляющий удар по лицу вынудил вернуться в реальность, воспрянуть духом и дать отпор.

Завязалась драка не на жизнь, а на смерть.

Кеннет не чувствовал боли. От сыпавшихся ударов он пришёл в ярость, вспоминая, что позволил себе этот человек с его девушкой. Он уже не контролировал себя, и чем больше Лотер сопротивлялся, тем горячее было желание покончить с ним раз и навсегда. Уничтожить, чтобы тот никогда больше не посмел коснуться его маленькой девочки.

Убить!

Убить? Мысль об убийстве несколько охладила его. Ему ещё не приходилось с этим сталкиваться, ещё никогда он не убивал человека, но мог вполне. Ему не составляло труда уложить молодого бычка ударом кулака, что говорить о каком-то придворном франте. Его силы было достаточно, чтобы вытрясти из него душу, но он не мог. Кеннет понял это сейчас, когда в его руках оказался соперник. В беспомощной ярости он вновь припёр его к стене, сжимая ворот его мокрой рубахи и с ненавистью глядя в его глаза, процедил сквозь зубы: — Только сунься к Кэтрин, ублюдок, и я убью тебя!

Ответом ему был ядовитый смех; он не был показным, этот безумец смеялся всё громче. И в тишине, нарушаемой лишь монотонным шумом дождя, этот хохот казался зловещим. В неясном свете фонаря глаза Лотера демонически

сверкали.

Смахнув кровь с рассечённой губы, он пронзил Кеннета взглядом острее кинжала.

— Ты ведёшь себя как мальчишка, Макдауэл... Это всё?

Он откровенно насмеялся, несмотря на поражение. Кеннет хотел вновь ударить его, но боялся, что не рассчитает и прикончит тут же. Вместо этого он отшвырнул его прочь в лужу.

— Ничтожество. Не смей больше показываться в Шотландии Тальви, или я тебя убью!

Он уже развернулся, чтобы уйти, но слова Лотера заставили его обернуться.

– Клянусь, Макдауэл... ты заплатишь, – прошипел он, тряхнув головой, разметав вокруг сотни брызг, и шёпотом добавил: – За каждую каплю.

Дождь струился по его лицу, смывая кровь.

– Даже так, Тальви? – насмешливо хмыкнул Кеннет, смотря на него сверху вниз. – Ну, так что же медлишь? Подними свой ножичек... храбрец.

Он бросил на поднимающегося противника презрительный взгляд и мыском сапога подтолкнул к нему оброненный кинжал.

– Предпочитаю более тонкие методы... – усмехнулся Лотер. – Ведь душевная рана намного больше телесной...

– Ты способен на любую низость, я знаю. Но ты проиграл, твои анонимки ничего не решили. Венчание состоялось,

Тальви. Кейт – моя жена. Ты проиграл.

– Жена?.. – переспросил Лотер. На его лице было написано неверие. – Ты говоришь это потому, что тебе просто нечего сказать. Даже если это правда... – он замолчал и лишь усмехнулся. Для него эти слова не значили абсолютно ничего.

Но эти слова слышал не только он. Приложив ладонь к губам, чтобы сдержать вскрик отчаяния, неподалёку от Робина стояла Антония. Она выскочила следом за братом, но никто из дерущихся не обратил на неё внимания; лишь Робин, заметив её, силой удерживал в стороне, не позволяя вмешаться.

– Я предупредил тебя, Тальви: оставь нас в покое.

Кеннету понадобилась вся сила воли, чтобы сдержаться и не прикончить его прямо сейчас. Помедлив, он неторопливо собрал свои промокшие насквозь вещи и двинулся в сторону друга, который держал лошадей.

Он не видел горящего мстью взгляда Лотера, а ведь в его глазах он мог прочесть, что отныне неприятности ему гарантированы; но он не желал больше смотреть на него и не придал значения дерзким словам. Кеннет хотел отбить охоту у англичанина соваться к Кэтрин, но своим поступком, напротив, только разозлил его, и тот принял вызов. Если бы Кеннет более внимательно присмотрелся к этому человеку, то понял бы, что зря связался с ним: он лишь ярче разжёл огонь, и без того полыхавший в этой мятежной душе.

Когда Кеннет приблизился к другу, стоящему поодаль и наблюдающему за ними, Антонии там уже не было.

Робин, зная своего приятеля, не стал ничего говорить, молчаливо подвёл коня и передал поводья. Вскочив в седло, Кеннет не обернулся посмотреть на своего противника, который оставался стоять, провожая пристальным взглядом удаляющихся всадников.

Не дожидаясь развязки, Антония, слишком подавленная услышанным, шла прочь, глотая немые слёзы разочарования, которые, смешиваясь с дождём, стекали по её лицу. Она шагала по мостовой, не обращая внимания на лужи и то, что её атласные туфельки промокли насквозь, как и выходное платье. Оно тяжёлыми складками, пропитанными влагой, тянулось вниз, липло к ногам и доставляло неудобства. Но Антонии было уже всё равно; лишь мысль о том, что Кеннет потерян для неё навсегда, болью отдавалась в сердце. Но на что она рассчитывала, поверив сладким обещаниям Лотера де Тальви? Что ему и впрямь удастся разлучить обручённых, и тогда у Антонии появится шанс получить желаемое? Лотер предпринял достаточно жёстких попыток сорвать свадьбу, но в словах Кеннета она не сомневалась. Чего она ждала? Что произойдёт чудо и козни Лотера дадут необходимые плоды? Теперь она потеряла последнюю надежду заполучить того, о ком мечтала, того, кого хотела видеть рядом. С этого момента ей стало всё безразлично, и она брела вперёд, не разбирая дороги.

Отныне Кеннет беспрестанно думал о Лотере. Тревога за-
кралась в душу, и он уже сожалел, что оставил его в живых.
Не стоило труда догадаться, как сильно разозлил его сего-
дняшней стычкой, и надо было полагать, что тот не преми-
нет воспользоваться своими грязными методами. Но время
ушло, и сожаления теперь были бессмысленны.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.